

The background of the cover is a detailed illustration of a mountainous landscape. In the foreground, two soldiers in full combat gear, including helmets and backpacks, are seen from behind, standing on a rocky ledge and looking out over a vast valley. The valley below is filled with a bright blue river or lake, surrounded by steep, brownish-orange cliffs. In the distance, majestic snow-capped mountains rise against a sky filled with large, white, fluffy clouds. Several military helicopters are flying in the sky, adding to the sense of action and conflict.

Роман Иферов

Князь Супермакс и Чистильщик Василий

18+

Роман Иферов Князь Супермакс и чистильщик Василий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73560648

SelfPub; 2026

Аннотация

Обобщённая вселенная Лукьяненко. Прошло несколько лет с Переворота, когда Супермакс отобрал себе Землю, Квази поселились на Марсе, Иные разорвали договор с Двуетидным и Великий договор Света и Тьмы. В поисках лекарства от рака Василий с женой Брунгильдой и целителем Иваном спускаются к подземной Хтони – разумному магическому океану.

Пока Супермакс отсутствует, на Луну высаживается десант инсеко-изначальновских войск. Нападающие высадились на краю невидимой стороны Луны и двинулись по экватору к Путину – лунному Городу, расположенному в кратере Брюс.

Содержание

Князь Супермакс и чистильщик Василий	4
Глава первая. Трудовые будни	8
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Роман Иферов Князь Супермакс и чистильщик Василий

Князь Супермакс и чистильщик Василий Предисловие

Давайте научно поговорим об инопланетянах. Для этого вспомним, с чего начинается наука, и чем она кончается? Далекий от науки простец скажет, что она начинается с гипотезы, а кончается открытием. Мудрец третьего курса, который целый семестр зубрил методологию науки, скажет, что наука начинается с проблемы и кончается практическим воплощением. А что увидишь, если отойдёшь как можно дальше и согласишься посмотреть на перспективу от горизонта до горизонта? Ты увидишь, что наука есть насос для идей. Этот насос перекачивает их из мира идей в материальный мир. Греки называли мир идей «хэн», а мир материальный – «космос». На лестнице, ведущей из хэна в космос, можно выделить ступеньки. Каждая ступенька будет всё менее идеальной и всё более материальной. Гипотеза и открытие, проблема и воплощение

присутствуют на каждой ступеньке, но каждая ступенька называет их по-своему.

А теперь рассмотрим, как выглядит на каждой ступеньке такой этап науки, как проблема. Проблема – это расхождение сущего с должным, зазор между тем, что есть, и тем, что мы хотим. Например, есть у нас проблема – мы хотим летать, но не можем. Вот и давайте пойдём по пути науки, по ступеням материализации идеи.

Первая ступень – это фантастическое допущение, фандоп. Нам ведь никто не запрещает просто фантазировать, правда? Вот и фантазируют греки про Икара, а Свифт – про Лапуту. Вторая ступень – это смелая научная идея. Леонардо Да Винчи рисует в блокноте крылья, император Ван Ху взрывается в кресле с ракетами. Третья ступень – лабораторные исследования. Можайский копирует птичьи крылья, Филиппс вычисляет профиль крыла. Ну и наконец четвёртая ступень – производственные исследования. Их оплачивают государство и бизнес, поняв возможную выгоду.

Итак, вот проблема – в космосе должны быть разумные расы, но мы их не обнаруживаем. Почему? И как их обнаружить? Давайте рассмотрим вопрос на первой ступени – на ступени фандопа. Логично предположить, что рептилоиды прячут информацию о себе. Как прятать важную информацию? Можно перекрывать каналы утечки, но это не поможет, потому что маленькая протечка всегда есть, и этого хватит, чтобы люди всполошились. А что делать? Нужно сделать на-

оборот – прятать одуванчик на лугу. Нужно наплодить бесчисленное множество фантастической и фэнтезийной литературы, в которой правда безнадежно утонет.

Хорошо, а как тогда искать рептилоидов? Как найти тот самый одуванчик? Давайте поставим себя на место условных рептилоидов. Как легче всего произвести такую маскировку? Найти несколько способных людей и вырастить из них великих фантастов, которые зададут моду остальным. Значит, чтобы найти рептилоидов, надо исследовать творчество выдающихся фантастов. Хорошо, а как из фантастики определить признаки рептилоидов, если она создана, чтобы эти признаки скрыть? Я вижу два способа. Во-первых, могут промелькнуть отдельные мелкие детальки, которые ускользнули от внимания рептилоидов. Во-вторых, есть общие конструкции, которые ни писатель, ни редактор от рептилоидов не замечают, потому что для них это самоочевидно. Это как в Стар Треке инженер одной рукой висит на балке, а другой удерживает капитана. Или пулемёт с двадцати шагов промахивается по герою. Для рептилоида это так же нормально, как для нас ходить двумя ногами, поэтому ни автор, ни редактор этих несуразиц не замечают. Итак, первый приём охоты на рептилоидов выглядит так – взять одного из самых популярных фантастов и найти у него присутствующие в разных произведениях общие признаки явлений.

Теперь второй приём. Помните, как бросается в глаза неестественность событий и поведения? Вы скажете, что ав-

тор просто не смог добиться естественности? Но на той же странице остальные события и поведение вполне естественны. Единственное разумное объяснение – именно здесь в ход действия вмешиваются рептилоиды. Например, почему в Стар Треке люди в критических ситуациях выясняют отношения? Да потому что всю работу выполняют машины – а на долю человека остаётся выяснение отношений.

Итак, разработан научный метод – фантастическое моделирование. Этот метод аналогичен компьютерному моделированию. Исследователь точно так же создаёт модель явления, после чего запускает её. Модель какое-то время функционирует самостоятельно, после чего исследователь анализирует полученные результаты.

Ну что, проведём исследование. Возьмём одного из самых популярных фантастов – Сергея Лукьяненко и построим единую вселенную по его произведениям. Потом запустим получившуюся модель, после чего проанализируем результаты и сделаем выводы о свойствах условных рептилоидов. Главное условие – понимать, что не развлекаемся, не болтаем языком, а проводим научное исследование методом фантастического моделирования.

Часть первая.

Путешествие к Хтони

Глава первая. Трудовые будни

Сегодня мне явился Мамонт в ясном свете Солнца, которое отражалось в леднике позади Него. От шерстистой громады, от огромных глаз, от машущего хобота – от всего Него – веяло бесконечным добром. Он был везде присутствующая, но нигде не находящаяся личность, везде присутствующий, но нигде не находящийся Он. Я видел Его не глазами, и не неизвестным мне чувством, и не душой, и не всем существом, и даже не непонятно как. Я просто знал, что вижу Его. Меня наполнило счастье видения Его, счастье от того, что Он есть. Он велел мне прийти и погрузиться в Него. Он показал мне что, будет, если я погружусь – полная абсолютная совершенная укоренённость в бытии через единство с Ним – я буду наконец-то в полном смысле слова существовать. Даже смерть будет не страшна, она станет просто ещё одним этапом жизни наряду с детством и взрослостью. Он показал мне, что будет, если я откажусь – будет ужас-ужас-ужас. Ситуация назрела до того, что возможно только падение в ужас, и ничто во Вселенной не может спасти меня – только если я погружусь в Него – потому что Он больше Вселенной. И Он сказал мне, что после погружения, что бы ни случилось, Он меня не оставит.

Неделю назад я волонтёрил в полиции – помогал ловить

Солнцевского маньяка, и у нас случился очень неприятный сбой. В добровольческую группу входят марок, хранитель и чистильщик. С нами волонтерит хранитель Гнездниковского гнезда Лю. Она выглядит как юная девушка – мечта маньяка. Только в белые глаза надо цветные линзы вставить и рожу каменную оживить. Мароком с нами обычно ходит Том – парниша похожий на краба – метровый диск на двухметровых ногах с лицом доброго и веселого негра. Ну а чистильщик – я: коллективный разум ста двадцати семи зверьков. Они в точности как крысы, но с пушистым беличьим хвостом и, кроме лапок, есть пара галантных лакированных клешней на длинных членистых конечностях. Передние лапки у зверьков не простые – у них противопоставленные большие пальцы – совсем как у маленьких человечков. На морде у каждого зверька вместо лба и носа – человеческий глаз. Работаем так: Лю бежит по дорожке, такая вся заметная в блестящем трико, Том сканирует окрестности, он – телепат, он делает запись мыслей, которая является уликой в суде. Ну а я шуршу на подхвате.

В этот раз всё шло как всегда: Лю в свете фонарей бежит по дорожке с наушниками в ушах и будто ничего не замечает. Том бубнит: «Засёк носителя сексуального возбуждения и агрессии на четыре часа приблизительно двести метров, движется на перехват. Сто пятьдесят метров, сто метров, пятьдесят метров». «Вижу». – Тихо, как будто про себя, проговорила Лю. Объект выскочил из кустов, удар, объект

в глубоком ауте, бригада в улыбках. Я подшуршал, куснул, взял пробу ДНК – и похолодел: «ЪыЪ! Это не он! Ребцы, это не он!» Том протянул усик, тронул лежащего: «Через полминуты придёт в сознание. Кратковременная память будет затёрта». «За мной!» – Скомандовала Лю, и мы чесанули через кусты. Лю подняла руку, мы остановились, прислушались – огрёбший пинка инцел постанывая выходил из парка на тротуар. Мы облегчённо переглянулись. «Слышь, а маньяк-то где? – вдруг проснулся я. – Сегодня же его охотничий день». Мы с Лю посмотрели на Тома, он уже крутил усиками, сканируя – и вдруг ноги у него подогнулись, он сел на плоское крабье брюхо: «Мать честная! Акт насилия! Четыреста метров туда». – Он протянул лапу. Мы притопили с места. Лю через двести метров нас обогнала – всё-таки, человечья форма наилучшая для планеты Земля – и первая выскочила на место преступления. Маньяк совершал акт насилия и собирался откусить жертве ухо. Лю с разбегу пыром врезала ему под рёбра. И тут случилось невозможное – он успел среагировать, двумя руками перехватил ногу Лю, вывернул и сбил её с ног. Лю была в растерянности после эпизода с инцелом, а маньяк был на взводе. Я вытек на полянку, Том отстал – он на бегу вёл телепатическую запись. Маньяк одной рукой наставил на Лю какую-то стреляющую хрень, как потом оказалось – ружьё для подводной охоты. Второй рукой он сдёрнул с Лю трико – и вошёл в ступор, обнаружив отсутствие физической возможности совершить акт насилия. Лю улыбнулась

маньяку, а я втёк ему в штанины и съел икроножные мышцы. Маньяк заверещал. Том наклонился над его головой, ласково и успокаивающе посмотрел в глаза, выдвинул хелищеры и сделал нежный укол в шею. «Пеленаем! – сказала Лю. – Растяните его». Я вцепился задними лапками зверьков за штаны и ботинки маньяка, а передними – за корни деревьев и травы. Том своим плоским брюхом краба сел ему на голову и плечи. Лю подошла к ногам, задрала платье, спустила трусы, присела, прикоснулась ягодницами к коленям маньяка и начала выделять паутину. Я принялся перебирать зверьками и крутить пленного. Тот дрыгался, поэтому пришлось сделать несколько оборотов вокруг его колен. Наконец, колени заблокировались, и Лю переместила ягодичные железы маньяку на голени. Закончив с ногами, Лю всё так же на корточках перешла к рукам. Том схватил каждую руку двумя своими ногоручками и завернул за спину. «Не надо, – сказала Лю, – задохнётся. Давай спереди». Маньяка перевернули на спину, Том поставил его предплечья вертикально, локтями в солнечное сплетение. Лю ткнула ягодичными железами в эти предплечья и пошла по кругу: с земли на грудь, на землю, на живот, на землю. Прошла три оборота, копчиковым резакоткусила паутину, натянула штаны, посмотрела на маньяка. Тот от избытка впечатлений отключился. Мы молча сели на траву, Том достал пачку «Сумрачных», раздал нам, все закурили. Потом была ночь, полная показаний, письменных и устных отчётов, была благодарность от куратора волонтеров.

Пострадавший инцел, судя по профилю в ВК, переродился: начал ходить в Церковь и к психологу, женился, сейчас работает и воспитывает ребёнка.

Сегодня я играю в детском утреннике. Вот я растёкся по сцене одинарным слоем, переползаю зверьков порядно – на спины соседям, на пол, на спины, на пол – изображаю волну. По волнам бежит корабль – стельщик Гена. Он полутора метров ростом, с метровыми руками и метровыми ногами, а между ногами и руками натянуты перепонки как у белки-летяги. Он планирует как летяга и работает курьером в Москва-Сити, доставляя документы между небоскрёбами. А сейчас он перепрыгивает через ряды моих зверьков, изображая, как волны гонят кораблик. Из зрительного зала на него неотрывно смотрят две мамы. У Гены с мамами типовой донорско-трудовой договор: он их регулярно попивает, а их дети лечатся бесплатно.

Такая вот у нас теперь жизнь. Произошёл Переворот – планетарное божество Супермакс выгнал споривших за Землю инопланетян – Изначальных, Инсеков и Продавцов. До победы Супермакса над инопланетянами мутагены излечивали смертельно больных детей, те становились «изменёнными» и шли воевать в армию Инсеков. Инсеки улетели, Продавцы с ними, поэтому мутагенов нету. Волшебники расторгли Договор с Двуетиным – божком живущего в Сумраке синего мха – так что волшебных чудес теперь тоже нету. Все наши «иные» – волшебники, ведьмы и прочие – держа-

лись на этом договоре. Его когда-то заключил Волшебник – один из старших арканов Изначальных, что-то вроде ихнего князя или министра. Ему открылся смысл волшебства, этот смысл включал хождения в Сумрак и Договор с Двуми. Из-за волшебства у Изначальных такие разные прикольные гвардейцы – телепаты, вампиры, невидимки. Волшебство помогало Изначальным вечно жить и молодеть. Так что после Переворота умирающих детей невозможно спасти. Один Супермакс остался с его справедливостью и разумным эгоизмом. Когда-то русские патриоты мечтали о возвращении Царя-батюшки и превращении России в центр Земли. Что ж, получайте – вы породили Супермакса, а он стал де-факто царём России. Да что там России – он принёс смысл, объединивший Землю, и стал, считайте, императором Земли. Вот только в России никогда не было дармовой благотворительности в англо-американском стиле, когда миллионеры отваливают денег на содержание хобо и позволяют этим хобо разлагаться от безделья. Князь Земли Супермакс – русский, и подход у него русский: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим».

Я тогда работал на уборке в онкологической больнице – утилизировал биоотходы, осуществлял дезинсекцию и дератизацию – ну то есть жрал кухонные и операционные отходы, крыс с мышами и тараканов с муравьями. Там же и волонтерил – катал детишек по длинным коридорам, на спектаклях изображал море, говорящую волну и Змея-Горыны-

ча. Дети любят чистильщиков – мы мягкие и тёплые, добрые и весёлые. Мароки нашли себя в психбольницах санитарями и помощниками врачей. Марок может сказать врачу, о чём пациент на самом деле думает и что чувствует. Марок может влезть в голову больного и объяснить ему, что вот эти голоса и картинки – галлюцинация, а вот эти мысли – бред. Инсектовские стражи работают в полиции на массовых мероприятиях. А вот использовать изменённых в войнах на Земле Профсоюз изменённых запретил. Поэтому почти все мы, изменённые, живём в России – стране Супермакса, и работаем на штатских должностях. Чистильщики работают уборщиками, уничтожители и бойцы – проходчиками в Метрострое.

После спектакля долго раскланивались. Я кланялся, то встав зверьками на задние лапы и сгибая каждого, то собрав по вертикали и кланялся как будто вставшей на дыбы волной. Маленьких зрителей повезли в палаты, а я потёк в столовую – утилизировать пищевые отходы. По дороге в длинном подземном переходе меня нагнал Семён – отец одного из детей. Семён – добрый колдун. Он имеет высокий ранг, но по каким-то ихним сложным раскладам не имеет права вылечить собственного ребёнка. Не понимаю, вроде после Переворота добрые и злые могут делать, что хотят – никто уже не поддерживает равенство волшебного добра и зла, не выдаёт друг другу лицензии. Ну да ладно, не будем вглядываться в бездну, а то бездна вглядится в нас. Как говорится:

«Основы бытия – забота Кремля».

– Здорово, Семён. Хочешь поблагодарить за спектакль? – Сказал я ближайшим зверьком. Семён на вид простой мужик – кряжистый, без всяких благородных осанок и выправок. И не скажешь, что ему триста лет, и что он в сотне сильнейших колдунов Евразии.

– Торопишься? – Спросил Семён.

– Жрать хочу. – Ответил я. – Ты же знаешь, какой у нас обмен.

Семён это знал, он волонтерил сборщиком телепатописей у мароксов. Волшебство позволяло перекодировать марочий телепатический сумбур в обычную память, которую можно перегрузить в йобный компьютер¹.

– Лады, не буду задерживать. – Сказал Семён. – Давай я пойду рядом, по дороге обсудим.

Я насторожился – что ещё за лизоблюдство? Тоже мне садах, поспешающий за гуру.

– Сёма, – спросил я с тревогой, – ты что, уверовал в меня как спасителя своего?

– Ага, – с усмешкой ответил Семён, – и триста лет ждал встречи с тобой. Короче, – он заговорил серьёзно, – детей спасать надо, нужны мутагены.

– Мне ещё пятнадцать суток отсидеть?

¹ Йобный компьютер – компьютер с памятью процессора в один йобибайт и быстродействием в один йобигерц. По мнению Яндекс Нейро, 1 йобибайт (ЙиБ) (международное обозначение: YiB) равен 280 байтам (10248 байтам).

Месяц назад я подрался с Ла – Матерью гнезда, что в «Уголке Дурова». Прошёл слухок, якобы они прячут неприкосновенный запас мутагенов. Я пробрался в гнездо, спрятавшись в тюке соломы для слона. Слона гнездо унаследовало от «Уголка Дурова». Ночью я выбрался и обнаружил, что между дверями и полом у них до сих пор зазоры. Так что я протёк в защищённую зону – металлический полуцилиндр сто метров по диагонали и с одной дыркой – дверью. Я обшарил всю защищённую зону, а на выходе меня ждала Ла с двумя старшими стражами. Я понял, что меня сейчас побьют, пусть даже и не убьют – время-то мирное – и завопил: «Где, сволочь, мутагены прячешь?!». Стражи стормознули, я набросился на Ла и в полсекунды облепил её всеми зверьками. Ла скомандовала: «Всем замереть!». В общем, всё обошлось – но Ла вызвала наряд. А потом она потребовала допроса группой правды. Группа правды – это команда волонтёров полицейских допросчиков: марок, виспер и сирена. Сирена отключает твой волевой контроль, виспер включает в тебе словесный понос, марок слушает мысли и внушает доверие. Случай попал в Сеть, полиция вынуждена была обыскать все гнёзда, и ни у кого мутагенов не оказалось.

– М-да. А я был против, чтобы иные с изменёнными налаживали контакт. Мы всё в секретность играли, боялись «охоты на ведьм». А кто её сейчас устроит? Обычных-то людей и не осталось. Кто иной, кто изменённый, кто супермакс

поглощённый², кто магл. А кто ихний родственник или друг, или ещё кто-то.

– Ты это к чему? – Я терял нить разговора, да и жрать хотелось всё больше.

– Да я тебе уже рассказывал, мы провели полный скан планеты. На поверхности Земли плюс-минут километр вглубь и ввысь мутагены отсутствуют. Когда они ещё были, мы сняли ауральные образы. Такие вот дела.

– Тьфу ты дерьмо! – Я с досады притормозил всеми зверьками, прыгнул левофланговыми в стену и ударил в неё задними лапами. – Да чтоб тебя.

– Слушай, Василий, – Спросил Семён, – а чего тебя это так взволновало?

– Ты серьёзно? – Я половиной зверьков посмотрел на него. Семён рефлекторно отступил на шаг и наткнулся на стену. – Вот именно поэтому. – Я всеми зверьками встал на задницы и протянул к нему правые передние лапки. Даже ты, волшебник первого ранга, меня боишься. А тут ещё этот пророк Супермакса Лукьяненко про нас клевету написал в параллельном мире, а супермаксовы поглощённые её к нам переправили, представляешь? Я просто иду по тротуару, а вокруг меня пустота на два шага. Люди через забор на газоны лезут, даже на проезжую часть – лишь бы со мной не пересечься.

– Ну да, я эту историю слышал. – Сочувственно отозвался Семён.

Мы подошли к служебному входу в столовую.

– Слушай, – сказал я, – мне надо жрать, ты уж извини.

– Ничего, ничего, – успокаивающе ответил Семён, – ты жри, меня не смутишь. Я за триста лет и не такое видел, я двадцать лет на бойне проработал. Ты жри, а я тебе пока дело объясню.

– Что, так важно? – Спросил я, дурея от запаха корыта с мясными остатками. – Ну, говори. Только погромче, а то за хрустом костей не расслышу.

С последними словами я влез в корыто, одним зверьком оставшись слушать Семёна, а остальными погрузившись в вожделенную мешанину сухожилий и фасций, хрящей и костей.

– Важно. – Деловито ответил Семён. – Есть возможность добыть мутагены. Ну либо погибнуть, тут уж как получится. – Я поменял слушающего зверька, Семён продолжил. – Ты ведь знаешь, что у Супермакса есть ключевая личность? И, если тому будет грозить опасность, то Супермакс появится?

– Ага. И развеет нападавших. – Напомнил я всем известный факт. – А ещё данные о личинке Высшего засекречены, а за подготовку теракта против неё дают пожизненное.

– Ну это вряд ли, – ответил Семён, – скорее на месте прихлопнут. Впрочем, не хочешь – как хочешь, можешь меня прямо сейчас сдать.

– Мамонт с тобой, успокойся. – Серьёзно и спокойно от-

ветил я. – За шанс получить мутаген я готов. – Я уже наелся и мог спокойно разговаривать. – Как мы её найдём, раньше, чем нас прихлопнут?

– Только давай договоримся, – сказал Семён, – того, кого вызываем, зовём Дятел, а кого ловим – дятлёнок, а других его частей – дятлёныши.

– Лд. – Согласился я. – Так чо?

– В общем, – начал Семён, – и Дятел и дятловы не шибко рубят в волшебстве, как оказалось. Он только драться мастак и по пространству шастать. Так что дятлёнка мы нашли волшебными средствами. Ну а дальше дело в шляпе: нападаем, является Дятел, мы ставим ультиматум: либо мутагены, либо мы и дятлёнка, и всех дятлёнышей рассекретим.

– По интернету что ли завирусим?

– Включим заклятие с часовым механизмом. Если через неделю после нападения на Земле не появится миллион исцелённых мутагенами – информация придёт в головы всем жителям планеты.

– Так. Стоп. Вы же не Абсолютную с собой позвали? Ходит слух, она и не на Земле сейчас. Дятел обратится к Гессеру и Завулону. Великого Договора больше нету, лицензии не нужны – вас с вашим заклятием на раз прикончат.

– Вась, ну вот у тебя голов много, а мыслей мало.

– Вы с ними, что ли, договорились? На фига им? Они же волшебники, зачем им мутагены?

– Васенька, солнышко, ты с нами или нет? Я больше ни-

чего сказать не могу, я вторым Литвиненко стать не хочу. – Шпион-предатель Литвиненко пришёл на какое-то ток-шоу и стал нести свои разоблачения. Ну и сгорел от заклятия Карающего огня на глазах миллиарда зрителей. Бедняга. В параллельном мире его альтернативную версию хотя бы просто пристрелили.

– А ладно. – Сказал я. – Ну так чего делать-то будем?

– Послезавтра в десять в моём гараже. – Ответил Семён. – Гараж я защитил, бухай не хочу. Пока ты там, никакая жена о тебе не вспомнит. А если вспомнит, то выйдя за тобой, забудет за чем шла и пойдёт в магазин. – Я большинством зверьков оторопело посмотрел на него. Давно ли Семён стал бухать, прячась от жены в гараже? Потом понял, что он так маскируется. Супермакс вполне мог раскинуть прослушку на всю планету.

Я проснулся от вежливого постукивания. Открыл один глаз, и в ужасе завопил: я был в какой-то тесной кубической норе, а над входом в нору вверх бородой нависло великанское лицо – сладострастное, предвкушающее праздник вкуса. «Ваш билет». – Сказало лицо и исчезло. Тьфу! Я сел на раннюю электричку, с утра были заморозки, я продрог и, втекли в вагон, затёк под скамейку к обогревателю. С вечера посмотрел «Атаку титанов», и вот – привиделось. По цепочке из лапки в лапку я передал контролёру билет, крайним зверьком спросил: «Какая сейчас станция?» «Панки». – От-

давая мне билет, ответил контролёр. Как вовремя. Впрочем, перед Томилино я бы и сам проснулся – всё-таки по второму рождению я – воин Изначальных.

В гаражном кооперативе я перелез через забор – не захотел мутоты с вахтёром. Протёк по крышам, нашёл вентиляцию, из которой сочился запах Семёна, колонной в один зверёк протёк в гараж и, цепляясь гекконками³ на задних лапках, стёк по стене и собрался в стоявшем у стены кресле.

– Здравствуйте! – В соседнем кресле лицом к мне сидела невысокая тощая пенсионерка в чёрной юбке и сиреневой вязаной кофте. – Вы Василий?

– Здравствуйте. Да. – Ответил я единогласным хором зверьков. При первой встрече обычно это производит шокирующий эффект. – А Вы?

– А я Даздраперма Петровна. – Невозмутимо ответила пенсионерка с манерами коммунистки и училки. – Я человек, не волшебник и не антиволшебник⁴, не воин Изначальных и не изменённый Инсексов, просто бабушка онкологического ребёнка.

Впоследствии я узнал, что она действительно всю жизнь

³ Гекконки – поверхность, прилипающая к другим поверхностям по принципу гекконовых лапок – много волосков притягиваются к поверхности за счёт ван-дер-ваальсовой силы. Широко используется Изначальными в конструкциях изменённых и неживой аммуниции.

⁴ Антиволшебник – тот, кто работает с антимагией так же, как волшебник – с магией. Как и любое фундаментальное взаимодействие, магическое взаимодействие имеет две полярности. Их называют «магия» и «антимагия».

была учителем и коммунисткой и требовала себя называть именно так – Даздраперма Петровна. Хотя она и страдала старческой вредностью и раздражительностью, однако приобрела за жизнь кое-какую мудрость, так что к ней прислушивались и ей симпатизировали. За глаза все называли её «Дазя», Семён в запале спора или спешки мог так назвать её в глаза.

– У меня за спиной – Даздраперма Петровна наполовину обернулась и кивнула дедушке на табуретке, тот кивнул в ответ – Иван Иванович, тоже человек, у него болен крестник.

Я посмотрел: дед, весь седой, чисто выбритый, с характерной жёсткой усмешкой человека много и с удовольствием дравшегося – ребёнком и взрослым, на улице и на ринге. Плечистый, с брюшком, но без пуза.

– А это – Даздраперма Петровна показала на парочку, сидевшую на скамейке у стены сзади неё – Женя и Женя. Они анти-волшебники, муж и жена, Евгений и Евгения.

Я посмотрел на Женю и Женю. Оба под тридцать, среднего роста, подвижные, одетые во что-то неопределённо домашнее, кареглазые шатены. Доброжелательно-безжалостные лица закалённых в интригах офисных работников среднего звена.

– А вот это Аглая – Даздраперма Петровна поклонилась головой сидевшей на стуле спиной к двери даме под тридцать, среднего роста и комплекции, тёмной шатенке в коричневой юбке и тёмно-вишнёвом худи. – Она бывшая изменён-

ная из самых первых, жница. Служила на Саэльме, успела вернуться и пройти обратное изменение, пока ещё были возвратные мутагены.

С Аглаей мы потом подружились. Она по-женски эмоциональна, но обычно спокойна в разговоре и собрана в деле. Хорошо соображает, хотя и склонна к резонёрству в стиле ютубовских говорящих голов.

– Рядом с Вами – Даздраперма Петровна показала на парочку, сидевшую на скамейке у той же стены, что и моё кресло – брат и сестра оборотни эпиционы⁵ Стёпа и Зина.

Я с изумлением и уважением посмотрел на них. Ничем не примечательные юноша и девушка, похожие на близнецов Уизли, но шатены. Улыбки не хищные менеджерские, как у Жени и Жени, а от сердца весёлые.

В проёме открытой двери всё это время стоял и курил Семён. Он выкинул окурок и захлопнул дверь – после сиявшего прямо в дверь солнца стало темно – светила только переноска на крюке в потолке. «Ну что, все перезнакомились? – Спросил Семён. – Тогда, Аглая, ты инициатор, рассказывай».

Аглая щёлкнула несколько раз шариком голокама⁶ и кинула его на середину. Перед нами возник уменьшенный скве-

⁵ Эпицион – ныне вымершее животное, крупнейшее псовое всех времён: общая длина достигала 2,4 метров, высота в плечах – 90 см, вес – около 120 кг.

⁶ Голокам – торговое название такого типа голографических камер. Они выглядят как шарiki размером с фундук. Количество нажатий определяется размер изображения.

рик – прикольно было стоять среди девятиэтажек, что были высотой по пояс человеку. С одной стороны – дублёр Профсоюзной, гаражи, деревья, сама Профсоюзная, с другой – ряды девятиэтажек и двенадцатиэтажек. В самом скверике – детская и собачья площадки, между ними – окружённая скамейками клумба.

– Смотрите! – Аглая начала излагать свой план, показывая лазерной указкой. – Дятелёнок будет идти к метро от школы, куда отводил ребёнка. Он всегда прощается с ребёнком у школьной калитки ровно в 8:09 и ровно в 8:17 проходит мимо клумбы. Это железно, завтра у него обычный рабочий день. Вася ляжет на газонах под кустами сирени и отсечёт идущих к метро сзади Дятелёнка. Иван будет идти навстречу, Даздраперма Петровна сразу за ним – она старенькая и задержит идущих от метро. Иван – бывший боксёр – свалит Дятелёнка в нокаут, Василий подхватит и оттащит к газели. Оборотни будут изображать собак на прогулке, а Женья и Женя – их хозяев. Семён создаст сферу невнимания, чтобы никто не вызвал полицию. Так выглядит план исполнения операции, теперь о плане подготовки.

– Стоп. – Прервал Аглаю Семён. – По исполнению операции есть вопросы?

– Есть! – Вскричал я тенорно-голосым зверьком. – Простите, никого не хочу обидеть, но зачем в операции оборотни и анти-волшебники?

– Кстати, да. – Сказал Евгений. – Мы-то что делаем? Уни-

чтожаем охрану? А какая у него охрана?

– Жень и Жень, – доверительным тоном ответил Семён, – помните наш разговор?

– Помню. Помню. – Ответили они слегка вразнобой. – Так делать-то что надо?

– Если Дятел появится и развеет Дазю или Васю, – ответил Семён, – вы сотворите сферу невнимания внутри моей.

Я пропотел, зверьки моргнули. До этой секунды я умом понимал, что мы идём на опасное дело и всё такое. Но дошло только когда начали спокойно обсуждать, что делать, когда меня убьют.

– А это ещё зачем? – С недоумением спросила Аглая. – Вторая сфера зачем? – Уточнила Даздраперма.

– А затем, – ответил Семён, – что волшебство и анти-волшебство аннигилируют, как вещество и антивещество. И успокою сразу всех вас, город мы не спалим. Если сферы построены одна внутри другой, то вектор аннигиляции направлен внутрь. Просто всё, что внутри этой двойной сферы, упадёт на суперструны.

– Ещё вопросы и сомнения? – Спросил Семён и менторским тоном продолжил. – Помним, что здесь присутствующие приняли мутаген верности и печать карающего огня, так что ничего никому не расскажут. Однако, на всякий случай имена и названия заменяем псевдонимами.

– У меня вопрос! – Воскликнул я, подпрыгнув несколькими зверьками как первоклассник поднятой рукой. – У нас

есть разрешение Предсингулярных⁷? Если нету, они могут обидеться и отозвать лицензии у своих разработок. Оружие программировал Шкыч – тот Инсек, что вёл дела с Дятлёнком. Заклинаниями заведует Волшебник – один из старших арканов Изначальных. Бах – и в один прекрасный момент сферы не раскинутся, а пушки не выстрелят.

– Аглая, ответишь? – Спросил Семён. – Твой план.

– Рассказ будет долгим. – Предупредила Аглая и продолжила. – После школы жниц на Саэльме я попросилась в поход на Джинхерт. Это одна из самых красивых планет в Галактике. Смотрели «Аватары»? Так вот создателям фильма в качестве творческих фантазий залили фрагменты реконструированных телепатических съёмок. Кстати, у синеньких аборигенов в реальности две пары рук, как у танцоров. Так вот, синенькие оказались не по зубам даже Инсекам, так что те заключили компромиссный договор: кристаллы высшего ранга остаются аборигенам, одноцветные берут Продавцы, многоцветные передают Инсекам.

– Что за кристаллы высшего ранга? – Спросил Стёпа. Оборотням, похоже, стало скучно.

– Бесцветные: прозрачные, белые, чёрные, а также имеющие цвет вне оптического спектра, то есть инфракрасные, ультрафиолетовые, радиоцветные, рентгеноцветные, гамма-

цветные. – Ответила Аглая.

– Коллеги, – оборвала её Даздраперма Петровна, – давайте болтовню уберём!

– Итак, – продолжила Аглая доклад, – раз в год с Саэльта приходит экспедиция и забирает стасис-контейнер с кристаллами. Эдакая турпоездка под видом командировки. Такие вот дела. А тут нагрянули рептилоиды, охотники за рабами.

– За рабами? В галактическую эру? – Теперь не выдержала Зина. Аглая вздохнула.

– Не просто рабами. Они берут кристаллы и по смысловому запаху находят породивших и хватают их. Ну а я не знала и сбагрила Продавцам кристалл моего производства. Я в секрете держала, думала никто не подумает на жницу. Но вы же знаете рептилоидов, у нас в фольклоре они называются драконами, змей-горынычами и прочими. У них нюх на такие вещи. В итоге меня привезли в рабочий центр на Земле. Его курирует человек по имени – тут она замолчала, схватила карандаш и какую-то щепку, написала на щепке: «Фу Си», сунула щепку с надписью каждому под нос и продолжила – Фазан. Он аналог Волшебника Изначальных, только у рептилоидов. Он заведует анти-волшебством, как Волшебник – волшебством.

– А называется центр «Шамбала». – Иронически встрял я.

– Нет, – серьёзно ответила Аглая, – он никак не называется. Просто рабочий центр. Он один на Земле. Люди, дай-

те я закончу? Короче, восемь лет я не у каких не Инсеков служила, а у рептилоидов работала. На Саэлым заскочила по обмену пленными, меня взяли только потому, что я сразу же приняла возвратный мутаген и вернулась в человечество.

– Милая история, – опять не стерпел Стёпа, – но нам-то что с неё?

– Степан, – строго проговорила Даздраперма Петровна, – в жизни всё важное скучно, так что давай слушаем.

– Спасибо. – Сказала Аглая. – Итак, рептилоиды тоже недовольны, что их выгнали с Земли. Директора земного рабочего центра зовут – она взяла ещё одну щепку, написала на ней: «Кунь» и сунула каждому под нос, а вслух сказала: «Кречет», он помощник Фазана⁸. Фазан с помощниками наприорицали несколько возможностей потеснить Дятла. В одном из пророчеств узнали меня, почему – не знаю. Кречет велел мне съесть сигнальный амулет. Активно, конечно, никто не вмешается. А вот отражающую защиту дадут.

– Что такое отражающая защита? – Озадаченно и деловито спросил Семён. – Зеркало?

– Вроде зеркала, – согласилась Аглая, – но не человек, а закон природы, действующий в ограниченном пространстве. Он возвращает отправителю воздействия на меня и подельников.

– Стойте! – Воскликнула Зина. – Наша магия была до Вол-

⁸ Всего у Фу-Си восемь помощников: Цянь, Дуй, Ли, Чжэнь, Сюнь, Кань, Гэнь, Кунь.

шебника и Фазана. Нами никто не заведует.

– Бинго! – Откликнулась Аглая. – Теперь поняли, зачем вы нужны?

– Поняли. – Довольным тоном ответил Стёпа и осклабил-ся. – На случай, если вас всех отключат.

– Ага! – Вдруг поднял палец вверх Иван Иванович, о котором я уже и забыл. – Вот зачем вы позвали меня и Дазю, простых людей, не колдунов и не изменённых. Если отключат всем всё.

– Да. – Ответила Аглая. – А ещё вы стары и не сможете спастись и назавтра прийти к кровати умирающего ребёнка.

– Кхгмгу. – Долго и раздумчиво прокашлялся Иван Иванович. – Ты, детка, в Гималаях полный курс китайской интриги прошла?

– Ванюш, – успокаивающе проговорил Семён, – это я её надоумил. А я интриге учился у Гессера. Кстати, я отставной призванный. Так что у нас тут полная труппа для бродячего цирка.

– Ты? – Не поверила Аглая. – Призванный?

– Да. – Ответил Семён. – Пять лет в гнезде в фавеле района Коммуна 13 – это в Медельине, столице знаменитого Медельинского картеля. Наркобароны постоянно чего-то хотели, боевики каждый день нападали – то на скорую, везущую к нам детей, то даже на гнездо. Изменённым их бить нельзя, а я считаюсь человек, мне можно.

– Так, дети. – Властно произнесла Даздраперма Петров-

на. – Давайте соберёмся и быстро решим вопросы. Кто хочет просто поболтать – устройте пирушку.

– У меня вопрос! – Я опять поднял сделанную из зверьков руку. – А что мы скажем Дятлу? «Вы арестованы»?

– Правильный вопрос. – Взяв манеру менеджера, ответила Аглая. – Мы скажем, что в черепашке каждого землянина сидит капсулированное воспоминание с нашим обращением о том, что Дятел не даёт лечить смертельно больных, в том числе детей. Уничтожить капсулы даже он не сможет. Через месяц капсулы растают, люди вспомнят. Если лечение уже будет начато, всё кончится хорошо. Нет – начнётся «охота на ведьм».

– Так. – Отчётливо произнесла Зина. – Правильно ли я поняла? Нам не украсть Дятлётка надо, а убить? Ведь только на волосок от смерти появится Дятел. А зачем тогда газель?

– Для избежания лишних жертв. – Ответила Аглая. – Мы же не убийцы. – Она посмотрела на Семёна. – Так?

– Протестую! – Вдруг жёстко сказал Иван Иванович. – Кто хочет поиграть, пусть идёт домой, играет в компьютер. У нас лишних жертв не будет, сферы невнимания отсекут прохожих. Зубы оборотня, наши с Дазей пестики, даже семёнова авада-кадavra – Семён передёрнулся, как профессор медицины, у которого студент на экзамене печень назвал «печёной» – оружие прицельное. Побочный ущерб исключён.

– Хорошо! – Сказал Семён. – Газель отменяем? Мочим на месте? – Все закивали. – Итак, диспозиция. К без четвер-

ти восемь сюда, вот в эти кусты залегает Вася, одновременно подхожу я и накрываю его сферой невнимания. К ровно восьми к клумбе подходят Женя и Женя, с ними уже перекинутые Стёпа и Зина выгуливаются и играют. Я сижу на первой скамейке и читаю бумажную газету, взятую в метро. У меня рядом инструментальный ящик, короче, работяга ждёт напарника. Иван Иванович и Даздраперма Петровна, изображая пожилую пару, идут за объектом из магазина – Семён ткнул пальцем в дом рядом со школой – или от помойки – он ткнул в помойку рядом с магазином. Когда объект подходит к клумбе, Стёпа и Зина, играя и кривляясь, бегут ему навстречу через клумбу. Женя и Женя за ними по дорожкам вокруг клумбы. Задача Вани и Дази к этому моменту отсечь идущих сзади и приблизиться к объекту. Если им не удастся, идущих отсекает Вася. Ваня и Дазя! – Иван Иванович и Даздраперма Петровна взглянули на него. – В момент, когда объект повернёт к моей скамейке, чтобы обойти клумбу, должны раздаться выстрелы. Понятно?

– Да. Да. – Спокойно ответили Иван Иванович и Даздраперма Петровна.

– Хорошо. Следующий момент. Как только услышите топот Василия, сразу стреляйте. Объект знает шаги чистильщика. Понятно? – Они кивнули.

– Дальше. Стёпа и Зина! – Те посмотрели на него. – Вы должны начать бегать по дорожкам и клумбе, когда объект ещё только входит в сквер. Сможете?

– Конечно, – откликнулся Стёпа, – мы же его учуем.

– Хорошо. Если объект дошёл до первой скамейки, а у Вани и Дази не выгорело, бросаетесь на него и загрызаете. Поняли?

– Ясно. Да. – Откликнулись те с какой-то радостью. Ну что с них взять, псовые – они и есть псовые.

– Василий! – Семён посмотрел на меня, я всеми глазами на него. – Течёшь сразу за Ваней и Дазей. Не мешай ни им, ни Стёпе с Зиной. Но, если и у тех и у тех не выгорит, твой выход.

– Понял. – Ответил я хором зверьков.

– Теперь ещё одно. – Сказал Семён. – Сфера невнимания накроет круг с центром со мной, захватит клумбу и метров двадцать дорожки. В сферу будет вложено заклятие, отгоняющее посторонних. Женя и Женя! – Они вскинули глаза на него. – К моменту свалки вы должны быть рядом.

– Ясно. Ясно. – Откликнулись те.

– И последнее. – Сказал Семён. – Не начинайте действовать раньше, чем надо. Место действия – вот этот угол клумбы, понятно? – Все закивали. И самое последнее – всё происходит завтра, дни не перепутайте.

В общем, мы оказались дураки. Мне так и вообще стыдно. Я, волонтер полиции, участник тринадцати задержаний, как я не подумал об очевидных вещах? Почему? Семён тоже – даром что в своих дозорах двести лет вурдалаков развеивал.

Почему? Наверное, потому что мы работали в системе – и перестали это замечать. Что маньяков, что вурдалаков ловили не мы – ловили правоохранительные ведомства. Степан и я – всего лишь маленькие кончики когтей правоохранительного левиафана. Отстриги кончики когтей, и хрен что они сами поймают.

Вот вышла из магазинчика пожилая пара одновременно с тем, как ты подошёл с ребёнком к калитке. А как только ребёнок, что-то забыв, тебя окликнул, и ты вернулся, старички тут же свернули к помойке. Ну ладно, совпадение. Хотя люди, ходящие в магазины у дома и нормально одетые, – будут ли искаться в помойке? Вот они бодрым шагом пошли за тобой по дорожке. Но почему они идут с разной скоростью – то быстрее, то медленнее? Как будто расстояние держат и не дают между собой и тобой просунуться проходим. Ну ладно, может не любят, когда их обгоняют – бывает у людей такой бзик.

Вот играет на газоне молодая пара с двумя огромными собаченциями. Но что за собаки, которых ты даже в интернете не видел? Вернее, видел – в школьном проекте по биологии. Ну ладно, пород много, тебе просто показалось. А вот хозяйка бегут за ними – и даже не пробуют позвать.

Вот читает работяга газету на скамейке. А чего не смартфон? Ну ладно, последний реликт бумажной эпохи.

И почему ты никогда раньше не видел никого из них здесь в это время? А жизнь в Москве – она такая – людей вроде

много, а встречаешь одних и тех же. Все привыкли в одно и то же время вставать, выходить из дома, идти в школу и на работу. И самое главное – почему от них всех веет той железной собранностью, той последней решимостью, с какой шли с тобой в последний бой старички-разбойнички? Тоже «ну ладно»?

Короче, Дятелёнок сходу, без подготовки развернулся и прямым сбоку в челюсть вырубил Ивана Ивановича. В ту же секунду произошло сразу многое: я рванулся из кустов к Дятелёнку, крайними глазами видя, как вытянулись в воздухе рвущиеся вперёд эпиционы, и слыша, трижды стукнуло – резко, но глухо, и видя, что на месте Даздрапермы Петровны возник клуб дыма, как от горящей крыши, и вдруг передо мной – тьма, во всех глазах всех зверьков – тьма. Я остановился, больно ткнувшись лапками в тротуарную плитку, развернулся во все стороны – оказалось, что тьма была только впереди. Я развернулся и прыжками учесал обратно в кусты. Не успел – из кустов мне в лица ударил жёсткий ветер, сзади хлопнуло похоже то ли на парус, то ли на порыв шквального ветра в московском августовском шторме. Я захотел оглянуться, посмотреть, что там хлопнуло – и вдруг шерсть встала дыбом, холод ужаса пронизал всех зверьков волнами с края стаи на край. Я очень не хотел оборачиваться, но иначе никак.

Передо мной стоял Дятел, Супермакс. На дорожке лежал Иван Иванович, с другой стороны на клумбе лежали эпици-

оны и на четвереньках стояли Женя и Женя, изо всех сил на-
прягаясь, чтобы встать. Чуть ближе к нам стоял Семён, вы-
ставив полусогнутые руки, явно загруженные заклинаниями.
Даздрапермы Петровны не было. Иван Иванович лежал на
плиточной дорожке. Что-то странное было с его ногами – их
вывернуло так, что я за бёдрами не видел голеней. Прямо
передо мной не было ни дорожки, ни бордюра на той сторо-
не, ни кустов. Была яма – жёлтая суглинистая яма с идеаль-
но гладкой шарообразной стенкой. Потом оказалось, что три
стука были выстрелами, оказалось, что Даздраперма Петров-
на держала в кармане руку с пистолетом наизготовку и успе-
ла трижды выстрелить – точно в голову. Дятел отразил пули
и развеял Даздраперму Петровну, но Семён и Женя и Женя
провели фокус со сферами – вокруг объекта создаётся маги-
ческая сфера невнимания, вокруг неё – такая же, но антима-
гическая, вокруг неё – ещё одна магическая. Земля, дорожка
и кусты перестали быть. К сожалению, ноги Ивана Иванови-
ча были не вывернуты, а попали в сферу и до колен исчезли.

Супермакс стоял на воздухе посреди ямы.

– Я вижу ваши сердца, и они мои. – Возгласил Супермакс
киношно-жутким голосом. Говорил он не вслух, а разнovid-
ностью телепатического разговора. Ощущение, как будто ты
сидишь и вспоминаешь свою жизнь, и к тебе приходят вос-
поминания о том, как мгновение назад ты понял, что Супер-
макс сказал тебе то-то и то-то.

– О да, Гарри. – Ответил Евгений.

– Да не Гарри, – откликнулась Евгения, – а Волдеморт.

– Мы уже поняли, – вдруг ответила непонятно, когда и откуда подошедшая Аглая, – ты нас ни в грош не ставишь и в настроении поиграть. Ну так чего, расходимся?

– Есть причина, – сказал Супермакс, – по которой я не могу дать вам лекарств против рака. Я не виноват, виноват ещё один Высший. Оказалось, что всю историю Земли и сопредельных миров на ней жил один Высший. Он ухитрялся сосуществовать со всеми предыдущими Высшими – и с динозавровым юрского периода, и с муравьиным мелового периода, и цианобактериальным, и с теми, о ком даже я не знаю. Я не буду объяснять, почему не могу дать лекарства, пока Он жив. Скажу просто – помогите мне убить его, и будут вам лекарства.

– Чего-чего? – Сказал Степан. – А мы тут при чём? Кто вы, а кто мы.

– А при том, что я его не могу видеть. – Терпеливо разъяснил Супермакс. – Чтобы я его увидел и напал, надо, чтобы один из вас показал мне его.

– И ты сейчас скажешь, как нам его найти. Так? – Спросил Иван Иванович. Женя и Женя уже привели его в чувство, обезболили, остановили кровь. Он сидел, свесив культяпки, на краю ямы. – Даздраперму возвращай.

– Не могу. – Ответил Супермакс. – Я могу вернуть только добровольно согласных. Она не согласна.

– Так. – Сказал Иван Иванович. – Я, кажется, понял. Это

Мамонт. А ты его противник. Так?

– Успокойся, дед. – Сказал Супермакс. – Я знаю, что пап Аристарх плёл вам в воскресной школе при Избе Воспарения Мамонта. Ты же, когда подрос, сам понял, что всё это – бабьи сказки. Мамонт – всего лишь ещё один Высший.

– Так. – Ответил Иван Иванович. – Я в этом не участвую. Аглая, – он повернулся к ней, – предлагаю в это дерьмо не лезть. Пусть даёт лекарство, и дело с концом.

– Иван Иванович, – ответила Аглая, – не получится. В коде заклинания указано, что отсутствие лечения должно быть по вине Супермакса.

– К тому же, – продолжил Супермакс, – убивать Мамонта буду я. На вас будет обезопасить людей и вступить в бой с защитниками Мамонта, если таковые появятся.

– А ты сам не можешь? – Спросил Степан.

– Мне придётся полностью выйти из Максима, – ответил Супермакс, – чтобы Мамонт меня не почувал. А Максим просто человек, он не сможет.

– Подожди, – засомневалась Евгения, – так ведь Мамонт тебя сожрёт. Он-то может быть в любой форме.

– Тоже нет. – Ответил Супермакс. – Победа должна быть чистая. Особи, входящие в нас, и особи, смотрящие на нас, должны верить нам, иначе мы развалимся. Поэтому Мамонт должен будет сражаться в форме человека.

– Тогда я вообще ничего не понимаю. – Сказала Аглая. – Как мы найдём его? Как узнаем?

– Один из вас – ответил Супермакс – встречался с ним несколько дней назад и должен встретиться ещё раз. Он узнает его в любой форме и передаст мне. Правда, Василий? – Я обомлел. Всех зверьков меня пробил озноб, и я ими аж подпрыгнули.

– Я не хочу. – Ответил я. – Мамонт вовсе не показался мне плохим.

– Слушайте. – Ответил Супермакс. – Если вы такие щепетильные, знайте, что я его, скорее всего не убью. Он же Высший, а Высшего тяжело убить даже другому Высшему. Я убью не более, чем его местную форму, а его самого всего лишь вышибу с планеты.

– Василий, – сказал Степан, – надо сделать. – Я обвёл глазами всех, все смотрели на меня.

– Противно, – сказал Иван Иванович, – но другого выхода я не вижу. Если мы не сделаем, то за что Дазя умерла? За что я теперь протезы носить буду?

– У нас ребёнок, – сказала Евгения, – которого даже антиматерия не лечит, только наниты. А земных противораковых нанитов не существует. Так что, Вась, давай. – Я скривился всеми мордами и кивнул всеми головами.

– Прекрасно, – ответил Супермакс, – где и когда?

– Завтра. – Ответил я деревянным голосом. – В девять тридцать. На тройной пересадке от Боровицкой к Библиотеке имени Дашина и Александровскому саду, на площадке между эскалаторами.

– Прекрасно! – Подытожил Супермакс. – Значит, до встречи завтра на площадке между эскалаторами на переходе от Боровицкой к Библиотеке имени Мамонта и Александровскому саду. В девять ровно, чтобы был запас времени. – Он секунду помолчал. – Да и ещё, вот велкам-бокс с надеждой на успешную совместную работу. – Он протянул руку к Ивану Ивановичу. У того начали расти ноги от культей со скоростью сантиметр в секунду. Пока мы пустыми, как тарелки, лицами пялились на культю, Супермакс исчез.

Я ехал в метро, современном московском, страннолюбивом метро. Забавная штука – этимология, наука о происхождении слов. Переворот разрушил глобальные связи. Каждый регион, каждая большая страна варится теперь в собственном соку, и творчески оплодотворяет сама себя. У нас это выразилось в том, что англицизмы заменяют на русизмы. Изменённых, инопланетян, сумеречных иных раньше называли «элаены», теперь их называют «странники». Заморочки с доступной средой раньше называли словами с суффиксом «-френдли», а сейчас используют суффикс «-любивый». Был метрополитен «элайен-френдли», стал «страннолюбивый». Тут же появились конспирологи, заметившие, что это слово было в русском языке сто лет назад, и на этом основании заявившие, что пришельцы и колдуны открыто жили среди людей уже тогда. А правду, стало быть, скрыли фармазоны.

Я ехал на чистильщицколюбивом эскалаторе – перила ши-

риной в локоть покрыты продольными выступами толщиной с соломинку от байкал-колы на расстоянии в палец друг от друга. На душе чистильщик скрёб. Скрёб скребуще проклятый чистильщик. Блин, вот уж чего я не ждал от жизни, так это стать героем поговорки. Середина эскалатора. В конце концов, кто мне этот Мамонт? Ещё один бездушный божок, для которого мы – что тараканы для нас.

И тут нахлынуло воспоминание огромных солнечно-горячих глаз Мамонта, заполненных добротой, в которой тонешь с ушами до последнего зверька. Ну да, будет ещё одно доброе существо, павшее жертвой бесконечной войны. Даже не павшее – Он всего лишь уйдёт с Земли. А на другой чаше весов – кстати интересно – а что ещё за «другая чаша весов»? Зачем весам несколько чаш? Да и вообще – у весов нету чаш, у них плоскость, на которую кладут то, что взвешивают. Да. А на другой чаше – тридцать детей, которые будут исцелены уже сегодня – и все дети, которые будут исцелены отныне. Это если верить Супермаксу – а ему можно верить? Можно и нужно. Он же у нас за справедливость и правду – для него смертельно, если ему перестанут верить. А Мамонт за что? За любовь. А многих его любовь спасла? Все как мёрли от болезней, так и мрут, как убивали в войнах, да и без них – так и убивают.

Осталось проехать две лампы, и эскалатор выйдет на горизонтальный участок. Сколько времени? На одном зверьке был закреплён смартфон, я глянул на экран – девять пятна-

дцать. Я стёк с эскалатора, втёк на стоящую между эскалаторами смотровую колонну для странников, осмотрел двумястами семьюдесятью четырьмя глазами пересадочный узел – и у меня в животах начались корчи. Мамонт в форме человека уже стоял прямо посередине площадки. Подельники – Аглая, Женя и Женя, Стёпа и Зина, Иван Иванович, Семён – уже стояли вокруг, готовые отсекать пассажиров. Супермакс, тоже в теле человека, тихо стоял посередине – буквально в десяти шагах от Мамонта ближе ко мне. Мамонта он не видел – а вот меня сразу заметил, хотя и смотрел вроде в противоположную сторону – сквозь Мамонта, не видя его. Супермакс приветственно заулыбался и помахал мне рукой. Остальные тоже заметили меня, и кто кивнул, кто махнул рукой. Мамонт стоял, не глядя на меня, но я знал – Он меня видит.

И я спустился с колонны на эскалатор, едущий вниз, и побежал по ребристым перилам, потом частью зверьков перескочил, пролетев между людьми, на перила на другой стороне – и побежал, иногда спотыкаясь одним зверьком, иногда кувыряясь – стёк на пол, протёк между ногами людей, плюнул, вскарабкался наверх и стал прыгать по головам. Послышался мат-перемат, кто-то начал отмахиваться. Простите, сограждане, я вас понимаю – сто тридцать семь крыс, прыгающих по вашим головам в час пик, заставят понервничать. Но мне очень надо, я больше не могу, я предал всех – друзей, планетарного божка, больных детей – даже вас, братья и

сёстры пассажиры. Не предал только Мамонта – а значит, всё будет хорошо. Влетел в вагон, двери закрылись, одиннадцать зверьков не успели, я зацепился ими за окна. Вот за что спасибо Изначальным – так это за потрясающую цепкость лап и хвостов.

Поезд тронулся.

Вагон оказался СаЛю – страннолюбивым и даже ЧиЛю – чистильщиколубивым. Под крышей фальшпотолочная полка для чистильщиков, к ней ведут узенькие полочки вдоль стен и навесные мостики. Даже оборудованы дополнительные дверки над окнами. Так что к Кропотковской я уже скучковался на полке, успокоился и огляделся – и меня прошиб жар и холод – рядом со мной сидел Супермакс в форме зверька чистильщика. Вообще, это невозможно – чтобы соображать, нужна суммарная масса мозга не меньше, чем у человека. А здесь генотип тот же, что у меня, то есть человек плюс крыса плюс белка – но зверёк один, а значит у него мозгов как у белки.

– Здорово. – Сказал я. – Ты думать способен? Мне надо знать, как с тобой общаться, у тебя же сейчас мозг размером с фундук.

– На Воробьёвой горе советую выйти. – Спокойно сказал он. – Дождись ребят. В данный момент я им объясняю, что по твоей вине окончательно перекрываю возможность поставки мутагенов на Землю. Так бы можно было вернуть Продавцов

и отдавать им десятую долю эмоций, а девять десятых в кристаллы бы не превращались. В местах концентрированной выработки кристаллов – тюрьмы, морги, больницы, кладбища, похоронные автомобили – можно было бы поставить локальные излучатели и уловители кристаллов. Сбор достиг бы ста процентов, а не десяти, как у сёрчеров. Люди были бы счастливы избавиться от таких эмоций. А в тюрьмах маньяки с убийцами вместо преступлений производили бы кристаллы. Дети бы спаслись – у вашей волонтерской команды тридцать подопечных больных детей, они бы уже сегодня вечером пошли на поправку. Ты и Том стали бы людьми. Много чего можно было – но ты всё просрал. Всё, подъезжаем к Воробьёвой горе. Прощай. – И Супермакс исчез.

Я вытек на платформу и скучковался на скамейке – у скамейки был наклонный пандус для чистильщиков, рядом стоял метровый гриб для марок. Как будто мароки и чистильщики ходят парами.

Стоп. А зачем я сюда пришёл? Потому что мне Супермакс приказал? Да плевать мне на него. Или он на меня воздействовал? Не похоже. Не чувствую я в душе запаха Супермакса. О этот узнаваемый дух! В нём правильность и справедливость покрыты налётом презрения и омерзения к окружающим и всей Вселенной. Или я хочу дождаться подельников и оправдаться перед ними? Если честно, совсем не хочу, хотя это было бы справедливо – да ну её на хрен, эту справедливость!

И тут меня погрузило в знакомый добрый свет.

– Пора идти погружаться. – Сказал Мамонт. – На вытянутом хоботе я тебя больше удерживать не могу.

– Делать-то что? – Не выдержал я. – Опять война Высших? Паны дерутся, у холопов чубы трещат? Я тебя не сдал, потому что ты хороший. Вот поезд подъезжает, я ребят вижу, что мне им сказать?

– Беги погружаться! Беги. – Сказал Мамонт. – Тут же будет и что сделать, и что сказать. – И пропал. Осталось только сладостное воспоминание.

Подъехали два поезда с двух сторон. Из одного вышла вся наша команда – но я уже затекал в другой. «Стой, паскуда!» – завопил Иван Иванович. Странное человеко-звериное рычание и вопль: «Нет!» – это оборотни хотели обернуться энционами, а Евгений их остановил. Невыносимая боль – это Женя и Женя метнули заклятья – два зверька рассечены пополам. Я четырьмя зверьками подхватил половинки, втёк в вагон, путаясь под ногами пассажиров, по троим мужикам взбежал как по лестнице и по их рукам на поручни, с поручней на полку. Один из мужиков вскрикнул: «Мужик, блин, в свою дверь никак?!», другой стоически поморщился, третий пронзительно истошно взрыкнул – мимо его глаз я пронёс обрубки-половинки. «Простите. Простите! Простите... Простите?» – тараторил я во все стороны на разные лады без передышки. Наконец, я на полке. Мгновенно съел обрубки – у чистильщиков ранения пробуждают аппетит – и огляделся.

Пока я хрустел обрубками, крайние глаза что-то заметили. Я оглянулся тремя зверьками и покраснел – к счастью под плотным крысо-беличьим мехом не видно. Рядом кучковалась молодая – второе почкование, двадцать девять зверьков – чистильщица. Я посмотрел молекулярным зрением. Симпатичная русская девушка – в митохондриальной ДНК сияют гаплотипы U2e, U3, U4, U5, U8a, K, HV, H5, H6. Великолепный домашний кролик сверкает гаплотипами A1, A2, A3, A4, A5, A6, A7 и A8. И, наконец, по митохондриальному гену CO III видна чистокровная лысогорская гадюка. Уууу, да ты благородная особа, а я тут при ней жру в наглуую.

– Мясца? – Спросил я её, и всеми обернувшимися к ней зверьками распластался в поклоне. Зверьком, державшим последний обрубеk, я пробежал по поклонившимся телам.

– Спаси Господи! – Ответила прекрасная незнакомка. – Вы меня очень выручили. – И тремя изящными пастями вгрызлась в подарок.

– С работы? – Участливо спросил я её одним зверьком

– Со службы. – Так же одним зверьком ответила она. – И на службу. Не успела в трапезную забежать.

– Ты верующая? – Спросил я.

– Правохвалящая мамонтианка. – С достоинством ответила она. – Пою в двух избах Мамонта.

– И что, там хорошо относятся к странным? – Спросил я.

– В избе Проявления Мамонта в Ёлкове – ответила она –

служит пап Аристарх, так он светлый иной. А два диакона и половина чтецов – висперы. Они же могут говорить тебе прямо в голову – и никаких проблем со слышимостью.

– Так. – Сказал я и сразу посерьёзней. – Так. Тебя-то мне и надо.

– Зачем? – Удивилась она. Но не насторожилась. У нас, воинов Изначальных, вообще плохо с чувством страха.

– Только что со мной говорил Мамонт. – Ответил я. Её зверьки, непрестанно кишащие и шебуршащие, как у любого нормального чистильщика, застыли. – Велел немедленно погрузиться. – Её рты раскрылись, с частотой пять в секунду засвистело вентилирующее дыхание. У нас это аналог покраснения, побледнения и выступившего пота.

– О! – Сказала она. – А! Едем.

– Куда? – Спросил я. Я ожидал чего-то другого, ну там недоверия, расспросов, но не призыва куда-то ехать.

– В избу. – Ответила она тоном, каким долбоклюю стажёру объясняют, каким концом стамеску к доске направляют. – В избу Проявления Мамонта в Ёлкове, к папу Аристарху. Он как раз сегодня служит. А ещё у нас есть погружарий для взрослых.

Вот тут уже замер и задышал я. Ну вы же понимаете – решив что-то сделать «немедленно», человек обычно подразумевает «немедленно, как только соберусь с силами и время будет».

– Ну хорошо. – Выйдя из ступора, ответил я. – Едем. Ме-

ня, кстати, Василий зовут.

– Меня Брунгильда. – Скромно и с достоинством ответила она. – И нам на следующей выходить, сейчас Библиотека Дашина, нам переход на Площадь Контрреволюции, потом до Деникинской, там выйти и немного пешком.

Мы молчали до самого выхода из Деникинской. Я про себя бормотал: «Мамонт, помоги. Мамонт, помоги», Брунгильда, как потом оказалось, тоже.

На Деникинской уже спадала утренняя давка студентов, спешащих в АИД – Академию имени Деникина. Однако Комиссия по любви жёстко не рекомендует странникам редких размерных групп в часы пик перемещаться по полам. Великанов, вроде буги или матерей гнёзд, вообще в часы пик в метро не пускают. Малыши, вроде нас чистильщиков, могут перемещаться по настенным оврингам – мосткам. Напротив чистильщиков форточек вагона на станционных оврингах оборудованы платформы для перепрыгивания. Мы с Брунгильдой попрыгали на платформу, торопились – даже наши зверьки чуток перемещались, на пару секунд возникло совмещение коллективных разумов. Брунгильда держала в сознании ближайшие действия: по оврингу на эскалатор, далее по колонне, опять овринг, выход, по навесным мосткам-лавам через улицы Деникинскую и Спартаковскую. Затем набранный из копий забор избы Явления Мамонта, приходный дом, на охране вызвать папа Аристарха.

Охране звонить не понадобилось, пап Аристарх сидел на

скамеечке во дворе избы. Возрастом за семьдесят и с той особой добавкой старости, которую дают переживания и ответственность. Седые волосы по плечи, средней ширины борода по ключицы. В юности худой, сейчас полноватый, но не от ожорства или диабета, а от старости. Глаза добрые, лицо пышет тем хроническим оптимизмом, который отличает людей всерьёз и много лет религиозных. Взгляд доброжелательный, но пронзительный.

Брунгильда подтекла к нему, сказала: «Доброреките, папенька» – и выполнила кобру. В этой позе зверьки чистильщика становятся на задние лапки на плечи друг другу в пять рядов вверх, каждый ряд когтями задних лап цепляется за плечи нижних, а передними – за голени верхних. Потом верхний ряд наклоняется горизонтально вперёд, второй ряд под углом назад, третий под углом вперёд, четвёртый и пятый стоят вертикально. Пап Аристарх простёр над ней руку, делая жест, похожий на то, как Мамонт махал хоботом и хвостом.

– Пап Аристарх, – сказала Брунгильда, – вот – она быстро встала несколькими зверьками и правыми лапками показала на меня – юноша хочет погрузиться. Ему являлся Мамонт.

– О! – Пап Аристарх посмотрел на меня своим всевидящим взором. – Ты беседовал с Мамонтом! Часто он тебя навещает?

– Два раза. – Ответил я. – Один раз перед тем, как мы пытались убить Супермакса, второй после того, как я провалил

задание Супермакса и не сдал ему Мамонта.

Я думал, сейчас пап Аристарх либо ногами затопает и на со двора выгонит, либо мне предстоит час муторного расспроса. Но нет – он спросил: «Веришь Мамонту как Повелителю и Основе?» Я растерянно мемекнул: «Да». «Тогда пошли погружаться». – Сказал пап Аристарх и встал.

Я плохо запомнил ритуал погружения – яркие не связанные картинки. Я ныряю, иду по дну на противоположный конец, всплываю, вылезаю. Пап Аристарх читает что-то красивое, что-то спрашивает, я что-то отвечаю, он касается меня кисточкой из мамонтовой шерсти. Наконец он сказал: «Добро речёт тебя Мамонт, новопогружённый брат» – и пригласил меня маленьким бивнем – символом того, что Мамонт когда-то, оставаясь вечным, стал временным и побывал и ребёнком, и взрослым, и старым.

И я понял предельно, и стало мне ясно ясностью солнца, что мир есть иной, он основан на Мамонте, качающем головой, машущем хоботом и хвостом. И Мамонт во мне, и я в Нём, и теперь всё хорошо, и плохо не может быть, потому что всё есть события и пути истинного бытия в Нём.

Я вылез из купели, рефлекторно встряхнулся, сбрасывая воду, и только тут заметил, что наши с Бруней зверьки опять частично перемешались. Разумы избирательно перекрылись, и тут до меня дошло нечто очень-очень важное. Чистильщик лишь на первый взгляд состоит из отдельных зверьков. На самом деле они должны постоянно касаться друг друга, со-

здавать облако феромонов, слышать и видеть. Если у двух чистильщиков зверьки окружены зверьками партнёра, то разумы чистильщиков сливаются – настолько полно, насколько перемешаны зверьки. Это явление так и называется – «перемешение». Когда наши разумы перемешались на выходе из метро, разум Бруни был занят маршрутом и поиском папа Аристарха. И я, и она были после третьего почкования, для четвёртого почкования чистильщику нужна пара. Изначальные спаривания не допускали, до четвёртого почкования взросление не доводили, так что чистильщики были самым расходуемым пушечным мясом. Я был только что после погружения, Бруня – после вкушения, а погружение и вкушение – две самые сильные формы соединения с Мамонтом. Наши разумы были солнечно чисты, и мы с ясностью бутылки из-под водки видели, что это дар Мамонта нам. Однако, это надо было сказать вслух, и сказать должен был я, и я сказал: «Брунгильда, давай поженимся или как это тут у вас называется». «У нас это называется короноваться». – Ответила она. «Ах да, вспомнил». – Сказал я и, обращаясь к папе Аристарху, сказал: «Папочка Аристарх, коронуйте нас». «Хорошо, – сказал он. – Пойдём в основную избу».

Из коронования я тоже мало что запомнил. Помню, оно проходило в северном корабле избы – эта изба состоит из трёх кораблей – северного, экваториального и южного. Посреди корабля стояла витая колонна высотой по солнечное сплетение человека, сверху колонны – расширение. Мы сто-

или рядом с колонной. Больше никого не было, да и никто и не уместился бы, всё-таки чистильщик одинарным слоем занимает в среднем четыре квадратных метра. Где-то неподалёку что-то пел хор. «Интересно, сколько всё это счастье стоит?» – Подумалось мне.

Папочка зашёл в бак корабля, открыл изнутри ворота и вышел через них, неся над головой огромную закованную в латунь книгу – Многокнижие. Он подошёл к колонне, положил Многокнижие на неё, открыл и минут пять читал. Потом мы шли вокруг колонны с Многокнижием, папочка впереди, а мы за ним. Первый круг шли скучковавшись по отдельности, второй – перемешавшись наполовину, третий – перемешавшись полностью. Между кругами пап Аристарх поворачивался к нам, громко говорил, мы отвечали. Наконец, он повернулся к нам, обмахнул жестом хобота и хвоста Мамонта и сказал: «Мамонт доброречёт вам спариваться». Потом ещё пап Аристарх, хор, мы и ещё кто-то пели что-то, читали, громко произносили. На этом мамонтоработание кончилось.

– Пап Аристарх, – обратился я к нему, зверьком, которого подвесил левитировать, – дайте совет.

– Да? – Произнёс он на ходу. Видно было, что давать советы – его основное занятие, и ему оно не очень нравится, в отличие от работания, которым он наслаждается.

– Я тут попал в центр сражения Супермакса и Мамонта. – Пап Аристарх остановился.

– Так. – Сказал он. – Присядем. – И сел на скамейку. Типовая скамейка для людей обычных⁹ и странников¹⁰, как в метро до Переворота. – Рассказывай.

Я вкратце изложил ему всю историю – первое явление Мамонта, заговор, нападение на Супермакса, договор с ним, как я почти предал Мамонта и предал Супермакса, второе явление мне Супермакса и второе явление Мамонта, моё бегство от поделльников.

⁹ Обычники – это все, кто не изменённый, не иной, не погружённый, не магл и т. д., короче, не странник.

¹⁰ Странники – человек, каким бы то ни было образом, взаимодействующий с магическим полем. Странники возникли в связи с отделением магического взаимодействия от гравитационного. Как от общего корня единого взаимодействия последовательно отделялись гравитационное, сильное, слабое, точно так же от гравитационного отделилось магическое. Вот только если те взаимодействия разделились в первую секунду после Большого взрыва, то магическое выделилось тысячи лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.